

Непредставимость любви в психоанализе Ж. Лакана

Шеметов Г.А.

Посткартезианская антропология Ж. Лакана проясняет экзистенциальную аналитику отрицательности и невозможности, отсылающей в топологической перспективе к чистому различению дистанции-лакуны, избыточной по отношению к территориализирующим закономерностям поля сознания. На примере лакановского описания любовного переживания и его интерпретаций авторами Словенской школы психоанализа возникает возможность проблематизировать недостижимый опыт Реального. В его границах отсутствует какое-либо различие или нехватка (в отличие от измерения реальности, которая конституируется в результате прохождения субъектом порядков Воображаемого и Символического), поскольку он является исходным и невозможным для субъекта утопическим опытом наслаждения / смерти. Анализ данного теоретического концепта позволяет квалифицировать лакановское творчество как гегелевско-фрейдовско-хайдеггеровское в своем пафосе, как исходящее из полагания травмы, неизбежного опыта «экзистенциальной негативности» и непредставимости в качестве фундаментального антропологического начала.

Как известно, специфика первичного конституирования человеческого субъекта в качестве его для Ж. Лакана заключается в характерном для него (нее) факте «преждевременного рождения». Ребенок – это фрагментарное тело, и интеграция частей тела как функционального целого впервые осуществляется им посредством восприятия собственного зеркального отражения и ассимиляции своего дистанцированного гештальта, позволяющих включить хаотический внутренний опыт в оболочку зрительного образа. С этого момента ребенок становится парадоксальным двойником собственного отражения. По сути, «стадия зеркала» описывает процесс включения человеческого существа в порядок Воображаемого, которое является компенсацией изначальной нехватки Реального. Следует подчеркнуть, что связь с природной средой у человека искажена пронизывающей трещиной фантазма и неудовлетворенности, а способы компенсации изначальной нехватки Реального не устраняют травматизм человеческого существования, но всегда возводят его в новое качество. Именно поэтому Ж. Лакан критиковал терапевтические неопрейдистские концепции усиления социальной адаптации автономного эго: вместе с его интенсификацией углубляется внутренний раскол, конституирующий эго как иллюзорный идеал, что радикализирует депрессивность.

Единицей плана Воображаемого является образ, который возникает на «стадии зеркала». Обобщенное Имаго – это идеальный, воображаемый, формативный (оказывающий влияние на образование личности посредством механизма «гомеоморфной идентификации») и отчужденный образ, активизирующий диалектику травмы. Человек расщепляется на элемент Я (je) как бесформенный фрагментарный внутренний опыт и «мое Я» (Moi), внешнюю идеальную форму, в которую этот опыт облекается. Поскольку Moi находится на неустранимой дистанции, вместе с его ассимиляцией личность интериоризирует эту дистанцию, вводя неустранимый раскол и самоотчуждение в свою имманентную онтологическую структуру. Так как «мое Я», интериоризирующее зеркальную дистанцию, находится на стороне другого, оно пребывает в постоянной опасности, подвергаясь угрозе аннигиляции – именно через «мое Я» по краям воображаемого отношения человеку открывается знание о смерти, а само по себе «мое Я» оказывается такой матрицей самодостаточности, которая делает стремление к ней иллюзорным и параноидальным. Воображаемая диалектика состоит в таком полагании индивидом другого, сам акт которого оказывается полаганием индивида в качестве другого, в парадоксальном единстве меня и другого, при котором один вверяет себя другому, чтобы обрести собственную идентичность. При этом человек узнает в воображаемых объектах свое единство исключительно вне себя

самого (либо, напротив, усматривая единство в себе, воспринимает внешний мир в отчужденном и фрагментаризированном виде). В результате этой амбивалентности нестабильная гетерогенная субъективность оказывается обреченной на фундаментальную тревогу и принципиально не удовлетворяемый запрос. В обобщенном смысле из этих проблематических отношений возникает ускользающая в сокрытость нехватка, которую Лакан называет «object petit a». Object *a* определяется в качестве причины желания в порядке Символического, несимволизированной избыточности Реального и другого собственной нехватки в регистре Воображаемого.

В данном контексте наиболее аффективным проявлением воображаемого отношения к миру является любовь как следствие переоценки другого, в котором заключен навсегда утерянный на «стадии зеркала» object *a*. Встреча двух взглядов, как отмечает М. Долар, приводит к тому, что «Реальное отвечает взглядом, даже если другой человек не ответил, не был задет им или даже не знал о нем» [М. Долар. С первого взгляда. // М. Долар, М. Божович, А. Зупанчич. Истории любви. Лакан и Спиноза. СПб.: Алетейя, 2005. С. 27]. Нужно помнить, что «взгляд находится на пересечении бурной радости и наивысшей беды, угрожающей разрушением реальности», поскольку «двойник отражает двусмысленность нарциссического узнавания в самом прямом смысле: зеркальное отражение одновременно является моим и другим, а потому еще более чуждым; и именно из-за его нарциссической близости, тесной связи с моей сущностью, от него исходит еще большая угроза» [Там же. С. 28]. Нарцисс был бы счастлив и дожил до преклонного возраста, если бы не увидел своего лица – необходимое незнание и забвение являются условием всякого существования: «удвоение попросту влечет за собой утрату той уникальности, которой можно наслаждаться в своем самобытии – только не будучи ни я, ни субъектом. Вследствие удвоения субъект лишается части, самой ценной части своего бытия, непосредственного самобытия наслаждения» [Там же. С. 33].

Object *a* – утраченная часть, которую нельзя увидеть в зеркале, поэтому двойник, вызывающий любовь – зеркальное отражение, включающее в себя object *a*. «Лакан называет взгляд лучшим воплощением этого отсутствующего объекта: в зеркале можно увидеть глаза, но не взгляд, который и есть утраченное», такой взгляд, который возвращает страх, ибо страх суть «страх получить чего-то слишком много, страх слишком близкого присутствия объекта», это «нехватка того, что поддерживает нехватку» [Там же. Сс. 34, 35]. Трагичность любви, этого континуума страха, наслаждения, страдания и боли, заключается в том, что достижение привилегированного объекта *a*, восстановление изначального равновесного самобытия наслаждения смертельно: «Двойник, содержащий объект, также немедленно вызывает влечение к смерти... Можно сказать, что именно в качестве защиты от «реальной смерти» двойник раскрывает измерение Реального; в качестве защиты от биологической смерти он вводит влечение к смерти, то есть влечение в собственном смысле слова. Двойник – это первоначальное повторение, первое повторение того же самого, но также и то, что продолжает повторяться, появляясь на том же самом месте (одно из лакановских определений Реального), появляясь в самое неподходящее время в виде неожиданного и точного, как часы, вторжения, совершенно непредсказуемого и предсказуемого одновременно» [Там же. Сс. 38, 39]. Поэтому подлинная, «настоящая любовь» невыносима, для ее описания применима формула «не до тех пор, пока смерть не разлучит нас, а до тех пор, пока она нас не соединит» [Там же. С. 39]. (З. Фрейд, Г. Маркузе и сюрреалисты также по-своему выражали глубинную взаимосвязь Эроса и Танатоса).

Помимо всего прочего, любовь граничит с ненавистью, поскольку наделение объекта *a* высшим смыслом приводит к тому, «что Лакан называет *hainamoration*...: «Я люблю тебя, но из-за того, что я необъяснимым образом люблю в тебе нечто большее, чем ты сам – объект *a*, я калечу тебя» [Lacan, 1979. p. 263]. Если любимый человек содержит этот объект, то

ситуация действительно может быть очень опасной» [Там же. С. 43]. В пределе, как отмечает Р. Салецл, логика любовного переживания предполагает дилемму неразрешимости – субъект желает быть желанным для другого субъекта, в то время как тот не хочет быть приносящим наслаждение другому объектом. Предстоит сделать выбор: либо невротическая невозможность желания (которое обсессивно маскируется цепями означающих), либо истерическая невозможность наслаждения [См.: Р. Салецл. (Из)вращения любви и ненависти. М.: Художественный Журнал, 1999]. Но именно чистое различие любовной дистанции, всякий раз возобновляющей бесконечность перемещения в недостижимую пустоту смерти, позволяет надеяться на опыт перманентного обновления в разомкнутости и открытости межличностной связи.